

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<https://imonspb.ru>)

Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Успения Божией Матери

То, что произошло с Богородицей, с Девой Марией, — это сигнал нам с вами из глубины веков, свидетельство о том, что смерти нет, а есть завершение одного этапа жизни и переход к другому. День перехода от одного этапа к другому и называется успением. Душа человека, его дух не подвержены смерти — в этом и заключается смысл торжества, которое мы сегодня совершаем, вспоминая о кончине Божией Матери.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня, дорогие владыки, отцы, братья и сестры, мы торжественно прославляем Пречистую и Преблагословенную Царицу Небесную. Но прославляем в особый день — в день Ее кончины, успения, в день Ее смерти.

Мы знаем, что силой Божественной Дева Мария была восхищена на небо. Но это мы знаем сейчас, об этом узнали апостолы спустя определенное время, а тогда, когда перестало биться сердце Матери Господа и Спасителя, все воспринимали это как реальную смерть. Сегодня действительно день кончины Божией Матери — почему же такой славой и такой радостью овеян этот праздник? Никакой скорби, никаких темных риз, никакого воспоминания о кончине и о погребальной пещере — и это совсем не случайно! Ибо Царица Небесная силой Божественной была выведена из состояния смерти и восхищена в Царство Сына Ее и Бога нашего.

Вот почему Церковь не празднует кончину Божией Матери. Мы празднуем кончину Ее Сына, Спасителя, в Великую Пятницу. Мы оплакиваем плащаницу, произносим особые слова молитв и песнопений, которые выражают нашу скорбь в день умерщвления Спасителя, именуемый Великой Пятницей. А в день Успения у нас нет никакой скорби — одна только радость. Из всех Богородичных праздников Успение — наиболее торжественный и, может быть, исполненный особого спасительного смысла для всех нас. В чем же дело? А в том, что смерть Богоматери, будучи реальной физической смертью, силой Божественной стала действительно успением, сном.

Но ведь слово «успение» мы используем не только тогда, когда говорим о Божией Матери, — мы и о всяком покойнике говорим «усопший». Не мертвый, а усопший, уснувший. Почему же Церковь, а через Церковь вся современная культура, по крайней мере русская, восприняла слово «успение» как обозначающее человеческую смерть, а покойника — как человека уснувшего, усопшего? Только потому, что реально смерти нет. И то, что произошло с Богородицей, с Девой Марией, — это сигнал нам с вами из глубины веков, свидетельство о том, что смерти нет, а есть завершение одного этапа жизни и переход к другому. День перехода от одного этапа к другому и называется успением. Душа человека, его дух не подвержены смерти — в этом и заключается смысл торжества, которое мы сегодня совершаем, вспоминая о кончине Божией Матери.

Нерелигиозное, безбожное сознание не оперирует всеми теми понятиями, которые я сейчас попытался сформулировать. Для неверующего человека смерть — это конец, гибель, небытие. Атеистическая философия, прочно вошедшая если не в сознание, то в быт современных людей, так и говорит: смерть — это конец, небытие, когда больше ничего нет. Но сознание наше и дух наш сопротивляются этому, как сопротивлялись сознание и дух десятков и сотен предшествующих поколений. Достаточно обратиться к творчеству величайших художников, к духовным, культурным, эстетическим прозрениям человечества. Если бы люди верили, что смерть есть полное уничтожение, могли бы они создавать шедевры, имеющие вечное значение? Но в человеке есть искра бессмертия — в его сознании, в его душе, даже затемненной антирелигиозными предрассудками и безумной идеей о человеческой кончине как о прекращении всякого бытия.

А если не размышлять глубоко о смерти, но принимать, в силу общей инерции, представление о смерти как о конце, кончине, гибели? Что происходит с такими людьми, когда они становятся свидетелями смерти? Им очень тяжело. Чаще всего они стараются избегать всяких мыслей о кончине, не говоря уже об

участии в церемониях, связанных со смертью.

Мне приходилось наблюдать в западных странах, как по вновь установившейся практике гроб приносят на кладбище. Чаще всего гроб сжигают, а если не сжигают, то совершается некая церемония, религиозная либо нерелигиозная. Произносятся речи, затем люди начинают расходиться, и лишь тогда гроб медленно опускают в могилу. Так делают, чтобы люди не видели, как их близкий уходит под землю, — ведь это травмирует современного человека, это провоцирует его на глубокие размышления! А этого не надо! Надо, чтобы человек думал только, как удовлетворять свое желание потреблять, стремиться к удобству и удовольствию.

Стремление к удобству и удовольствию есть главный ориентир развития современной нерелигиозной цивилизации. В самом деле, если Бога нет, ради чего человек живет? Если ему говорить: ради подвига, он спросит: а во имя чего подвиг? В Советском Союзе нас учили, что подвиги мы совершаем ради будущих поколений. Но умные люди и тогда задумывались: что же будут представлять собой будущие поколения? И почему я должен делать что-то для тех, кто будет жить после меня? Не работает эта модель, и потому у мыслящих людей возникает вопрос: а для чего вообще все то, над чем мы трудимся, что мы создаем? Если исключить перспективу вечности, то ответы на такие вопросы совершенно лишены логики и не могут удовлетворить вопрошающего. Всё обращается куда-то в будущее, где самого человека уже нет. Так что, наша жизнь — во имя чего-то, о чем мы не знаем? Почему нужно жить для будущего, о котором ничего не известно?

Исключая перспективу вечности, мы действительно превращаем в кошмар человеческую смерть. Поэтому заботливая современная цивилизация, обслуживающая наши потребительские устремления, старается сделать так, чтобы человек поменьше соприкасался с умершим телом. И если в России еще сохраняются традиции отпевания в храме, при открытом гробе, то в странах, с которых многие хотели бы брать пример, ничего подобного нет.

Вспоминаю случай из собственной жизни. Я был очень дружен с одним выдающимся математиком, который был наполовину русский, наполовину швейцарец. Родился он в 20-е годы в Советском Союзе, потом с матерью уехал в Швейцарию. Нас как-то жизнь свела, мы подружились. Он был православным человеком и уже в преклонном возрасте, незадолго до смерти, попросил и получил от меня некое особое благословение. Когда этот человек умер, его по моему настоянию отпевали в нашей русской православной церкви в Цюрихе. Пришли все его знакомые, в основном либо протестанты, либо неверующие, из

научной среды, людей собралось достаточно много, а посередине храма — закрытый гроб с рабом Божиим Георгием. Я облачился в алтаре и говорю служителю: откройте гроб. Они так и сделали, и весь храм ахнул. Такое впечатление, будто произошло что-то невероятное — гроб открыли! Лицо покойника открыли! Когда я вышел ко гробу, я увидел смятение на глазах людей. Так не принято! Нельзя травмировать современного человека, упивающегося комфортом, живущего во имя благополучия и комфорта!

Действительно, для человека неверующего смерть — это конец, это гибель, это трагедия, это обрыв всей жизненной логики, всех устремлений, всех надежд, всех радостей, всех страданий. Смертью всё-всё заканчивается, это гибель с большой буквы. Но с этой гибелью не соглашается наша душа, поэтому вера в бессмертие — это не только религиозная доктрина, не только религиозное вероучение, но прежде всего самопонимание человеком собственной личности.

И вот еще о чем нам следует помнить. Откуда такой страх и такое неприятие смерти? Одна возможная реакция на смерть — исключить всякую мысль о ней, стараться уйти, ничего не видеть. Другая — превратить смерть в шоу. Ведь нет, наверное, ни одного боевика без множества смертей, иногда десятков и сотен, — валяются сраженные пулей люди, умирают идущие в атаку солдаты, горы трупов в одном фильме... В первом случае, о котором я сказал, реального человека пытаются избавить от созерцания смерти. Во втором мы видим попытку превратить смерть в захватывающее шоу. Какой же боевик без смертей? Но опять-таки все направлено на то, чтобы человек утратил возможность задуматься о том, что есть смерть.

И последнее — самое важное — о чем можно и нужно сказать сегодня. Можно ли не иметь страх смерти, не прибегая к шоу и прочим средствам, которые использует современная безбожная цивилизация? У нас есть ответ, как это можно сделать, нам об этом говорит святой праведный Иоанн Кронштадтский: «Если ты оставляешь грех, если ты побеждаешь грех, то исчезает страх смерти».

Это главный вывод из всего того, о чем сегодня, в связи с великим событием Успения Пресвятой Богородицы, нужно подумать всем нам. Как не было страха смерти ни у святых апостолов, ни у всех тех, кто окружал Богоматерь, а была радость, — так следует и нам, изгоняя грех из своей жизни, из своего сердца, из своего разума, обретать силу, которую невозможно обрести никакими земными средствами. Силу победы над страхом смерти, силу, превосходящую человеческий инстинкт, силу, которая открывает наше сердце навстречу бессмертию. Ибо изгоняется грех, а вместе с грехом изгоняется страх смерти. Аминь.

28 августа 2020 г.

[Патриархия.Ru](http://patriarhia.ru)

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга
<https://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45
Проезд: ст. метро "Петроградская"
Телефон: +7-812-234-24-27